

Когда-то, когда все вокруг не верили, что детективный роман новоиспеченного автора сможет продаться, именно я напечатал тот первый тираж в тысячу экземпляров.

Читая это, она остановилась.

Перед глазами возникла картина.

Отец стоит в той маленькой лавке, положив два тома рукописи на прилавок. Мистер Эджертон открывает первую страницу, медленно вчитывается, изредка останавливаясь и загибая уголки некоторых страниц. Дочитав, он поднимает голову и говорит: Эта книга будет продаваться.

Он не играл в лотерею.

Он искренне верил, что книга найдет своего покупателя.

Она вдруг невольно улыбнулась.

Те крупные издатели с Пэлл-Мэлл теперь, пожалуй, локти кусают. Наверняка они явились бы к ней с контрактами на двадцать или тридцать процентов отчислений, стали бы искушать лучшей бумагой и самым дорогим переплетом, принялись бы твердить, будто какая-то лавчонка Эджертона ее недостойна.

Но —

Когда она была никому не известна, кто кивнул ей в ответ?

Когда у нее не было ни гроша в кармане, кто произнес: Эта книга будет продаваться?

Это был мистер Эджертон.

Это была та обветшавшая маленькая лавочка по адресу Керзон-стрит, 11.

Она отложила письмо, взяла перо и расправила новый лист бумаги.

Чернильница была полна до краев, и кончик пера зашуршал по бумаге.

Уважаемый мистер Эджертон!

Ваше письмо и чек благополучно получены. Пятьдесят фунтов, пять тысяч экземпляров — эти

две цифры я запомню надолго.

Но еще дольше я буду помнить те слова, что были в вашем письме.

Она притормозила, немного подумала и продолжила писать:

Вы пишете, что когда моя рукопись была никому не нужна, именно вы подписали с ней контракт. Вы пишете, что верили в меня с самого начала.

Это правда.

Я знаю, что это правда. Потому что в тот день, когда мистер Беннет вернулся из Лондона, он привез с собой не только контракт, но и одну фразу. Он сказал, что вы, дочитав рукопись, подняли голову и произнесли всего семь слов.

Эта книга будет продаваться.

Вы и не представляете, что значила для меня эта фраза. В те долгие, никем не замеченные ночи, перед догорающими свечами, среди исписанных и тут же смятых листов бумаги — я то и дело спрашивала себя: неужели я и вправду умею писать? Неужели это действительно кто-то прочтет?

Ваши слова дали мне ответ.

Дописав этот абзац, она почувствовала, как ее глаза слегка защипало от подступившего тепла.

Глубоко вздохнув, она продолжила:

Сегодня вы подарили мне новый ответ.

Я согласна подписать соглашение об эксклюзивном издании.

Один процент отчислений или полтора — для меня сейчас важны вовсе не цифры. Главное — я знаю, что вы отнесетесь к каждой моей книге так же бережно и серьезно, как отнеслись к первому тому.

Я готова доверить вам все свои будущие произведения.

Она остановилась и перечитала написанные строчки.

Эксклюзивный договор.

Она действительно его подписала.

Не с теми крупными издательствами, не ради более высоких гонораров, а с тем человеком, который глубокой ночью писал ей письма из лавки на Керзон-стрит, 11.

Она писала дальше:

Кроме того, мне хочется рассказать вам об одном замысле: третий рассказ о Фрэнсис Уолстоун уже созрел у меня в голове.

На этот раз речь пойдет о том, что продолжает расти даже после смерти.

Человеческие волосы и ногти продолжают расти и после того, как человек умер — вы знали об этом?

По крайней мере, так принято считать. Какой-нибудь убийца мог темной ночи лишить жизни близкого человека, а затем подделать время смерти, чтобы обеспечить себе алиби. Но он не догадывается, что крошечная щетина, пробивающаяся на подбородке покойного, скажет правду.

Если смерть наступила три дня назад, какой должна быть длина этой щетины? А если сутки назад — насколько она отрасли?

Никто этого не мерил. Никто об этом не задумывался.

Но Фрэнсис задумается.

Она присядет рядом с покойным, достанет маленькую линейку и станет дюйм за дюймом измерять то, что все остальные сочли маловажным. Она расспросит цирюльника, осведомившись, обращал ли он внимание на скорость роста волос, когда ежедневно бреет клиентов. Она соединит все эти на первый взгляд разрозненные детали в единое целое, собрав полную картину.

А затем она посмотрит убийце в глаза и скажет: Вы лжете.

Потому что у вашего отца, когда он умер, подбородок был гладко выбрит.

А в последний раз вы видели его три дня назад.

За эти три дня его щетина отросла вот настолько.

Вы ошиблись в расчетах.

Закончив этот абзац, Мэри задержала кончик пера над бумагой, глядя на ровные строчки.

Щетина.

Рост.

Время смерти.

Она вспомнила кое-какие познания в судебной медицине из прошлой жизни: после смерти человеческая кожа усыхает, из-за чего кажется, будто волосы и ногти выросли. Это заблуждение держалось очень долго, пока изобретение микроскопа не расставило всё по местам.

Но люди нынешней эпохи об этом не ведают.

Они свято верят, что волосы и борода продолжают расти после кончины.

И этого вполне достаточно.

Достаточно, чтобы Фрэнсис Уолстоун, опираясь на ложное убеждение, разоблачила настоящего убийцу.

Она продолжила:

Я пока не знаю, каким именно получится этот рассказ. Быть может, Фрэнсис выяснит, что на самом деле волосы вовсе не растут. Быть может, в самый последний момент она осознает, что и сама заблуждалась.

Но убийце об этом неизвестно.

Убийца знает лишь одно: какая-то женщина сидела возле тела его отца, измеряла длину щетины, а затем подняла глаза и посмотрела ему прямо в лицо.

Этого хватит.

Правду порой доказывают не сухие факты. Правду доказывают тем, что заставляют поверить:

вам всё известно.

Закончив писать, она отложила перо и перечитала письмо от начала до конца.

Затем аккуратно сложила его и вложила в новый конверт.

Запечатала, капнула растопленный воск.

Без фамильного герба — у нее пока не было собственной печати. Но она прижалась пальцем к еще теплomu сургучу.

На нем остался четкий отпечаток.

Ее собственный отпечаток пальца.

Единственный и неповторимый.

В тот вечер Мэри передала письмо отцу.

— Это мистеру Эджертому, — произнесла она.

Мистер Беннет взял конверт, бросил взгляд на сургучную печать, и уголки его губ тронула улыбка.

— Это твой личный штамп?

Мэри кивнула.

— Временный, — ответила она. — Когда я заработаю достаточно денег, закажу себе настоящую печать.

Мистер Беннет спрятал письмо и внимательно посмотрел на нее.

— Ты решила подписать эксклюзивный договор?

— Да.

— Почему?

Мэри немного подумала.

— Потому что он поверил в меня самым первым, — ответила она. — Не потому, что я могу принести прибыль, а потому, что он действительно прочел мои книги.

Мистер Беннет смотрел на нее долгим взглядом.

Затем он протянул руку и легко похлопал ее по плечу.

— Ты сделала правильный выбор, — сказал он.

Мэри подняла голову.

— Откуда вы знаете?

Мистер Беннет улыбнулся.

— Потому что я чувствую то же самое, — ответил он. — Ведь самым первым читателем твоих историй был я.

Мэри остолбенела.

А потом рассмеялась тоже.

Тем же вечером Мэри лежала в постели, думая о письме, о чеке и об отпечатке пальца, оставленном на сургуче.

Третий рассказ.

Волосы на лице.

Рост.

Время смерти.

Она еще не знала, чем закончится эта история. Но она точно знала, что Фрэнсис встанет возле этого тела, вооружившись маленькой линейкой, и будет сантиметр за сантиметром измерять то, мимо чего все остальные прошли мимо.

А потом она поднимет взгляд и посмотрит в глаза убийце.

Она перевернулась на другой бок и уткнулась лицом в подушку.

Уголки ее губ изгибались в улыбке.

Скотленд-Ярд, Лондон

В ту же самую ночь инспектор Джеймс Редингтон сидел в своем тесном кабинете, задумчиво глядя на тусклое пламя масляной лампы.

Перед ним была раскрыта потрепанная книга в загнутом переплете — первый том приключений Фрэнсис Уолстоун.

Он перечитывал ее уже в четвертый раз.

И вовсе не потому, что история была такой уж увлекательной — хотя, правду сказать, читать ее было интересно. Всею виной была фраза, брошенная той женщиной по имени Фрэнсис:

Такие узоры на всем белом свете есть только у вас одного.

Отпечатки пальцев.

Впервые прочтя это, он лишь усмехнулся, посчитав занятной выдумкой. Писательница есть писательница, чего с нее взять, сама придумала.

Но вскоре его неотступно стала преследовать мысль: неужели это правда?

Неужели у каждого человека и впрямь уникальные узоры на пальцах?

Он принялся разглядывать собственные ладони — все эти извилистые линии казались совершенно одинаковыми. Но утверждать наверняка он не решался.

И тогда он затеял тайный эксперимент.

— Картер! — крикнул он, обращаясь к коридору.

Молодой констебль заглянул внутрь:

— Инспектор?

— Позови всех, кто сегодня на дежурстве. По одному ко мне.

Картер растерялся:

— Прямо сейчас?

— Сейчас.

Спустя четверть часа кабинет инспектора Редингтона был набит людьми. Семеро констеблей, два писаря и один патрульный, только что вернувшийся с обхода, растерянно толпились у входа.

Перед Редингтоном лежала стопка белых листов и коробочка с самой обычной красной штемпельной краской, купленной в канцелярской лавке.

— По очереди, — скомандовал он. — Прижимаете большой палец правой руки к краске, а затем оставляете отпечаток на бумаге. Рядом пишете свое имя.

Констебли переглянулись.

— Инспектор, это... зачем?

— Делайте, что велено.

Первым подошел Картер. Он прижал палец к подушечке с краской, оставил на листе жирный алый след и корявым почерком вывел свою фамилию.

Второй, третий, четвертый.

Редингтон аккуратно собирал листы, скрупулезно проставляя на них порядковые номера.

А затем приступил к сравнению.

Первый листок, второй, третий.

Он склонился над бумагой с лупой в руках, пока у него не заболели глаза.

Линии вились причудливыми кружевами, образуя завитки: одни напоминали воронки, другие — арочные мосты, третьи выглядели сплошным запутанным клубком. Он изучал их один за другим, сопоставляя между собой.

У Картера и Джонса — разные.

У Джонса и Брауна — разные.

У Брауна и Уильямса — разные.

Пересмотрев все десять листов, он чувствовал себя так, будто готов ослепнуть.

Но вывод напрашивался сам собой —

Двух одинаковых отпечатков не нашлось.

Он разложил все десять листов на столе и просмотрел их еще раз.

Ни одного. Абсолютно ни одного совпадения.

Некоторые узоры казались похожими — к примеру, водоворот на пальце Картера походил на завиток Джонса, но при ближайшем рассмотрении отличалось всё: количество оборотов, направление линий и даже точки развилок.

Он велел войти еще пятерым.

Пятнадцать листов.

И снова всё разное.

Откинувшись на спинку стула и глядя на красные извилистые узоры, он чувствовал, как гудит голова.

Значит, то, о чем написано в книге, — правда?

Неужели эти узоры действительно уникальны у каждого человека на земле?

На следующий день инспектор Редингтон продолжил свои изыскания.

На сей раз он расширил круг испытуемых: кухонный работник, конюх, пожилая уборщица и пара подвернувшихся под руку неудачников, пришедших в участок по делам, — всех их он обманом или уговорами заставил оставить отпечатки.

Спустя два дня у него набралось ровно пятьдесят оттисков.

Заперевшись в своем кабинете на всю ночь, он принялся попарно сличать их между собой.

Пятьдесят листов, перемноженных каждый на каждый, — сколько пар ему предстояло изучить? Он даже не пытался подсчитать.

Но результат говорил сам за себя —

Среди них не было ни единой пары близнецов.

Похожих узоров попадалось множество, порой с первого взгляда казалось, что их оставил один и тот же человек. Но стоило придвинуть лупу и вглядеться пристально, как тут же обнаруживались различия. Число витков, изгибы, места разветвлений и даже промежутки между тончайшими линиями не совпадали нигде.

Редингтон отложил лупу и потер уставшие глаза.

Он смотрел на гору бумаг, на эти багровые закрученные завитки, и в памяти сама собой всплывала фраза из книги, сказанная Фрэнсис:

Все люди разные. И не бывает двух одинаковых рук.

Тот автор, некто по имени Томасон —

Откуда он мог об этом знать?

Как ему удалось выяснить, что внешне похожие узоры на самом деле неповторимы?

Инспектор поднялся и подошел к окну.

За стеклом серело туманное лондонское утро, пелена сырости еще не рассеялась, а на улицах уже застучали копыта первых экипажей.

Он тихонько хмыкнул.

— Томасон, — пробормотал он себе под нос. — Кто же ты такой?

Спустя неделю по Скотленд-Ярду поползли странные слухи.

Инспектор Редингтон в последнее время сам не свой, целыми днями заставляет всех подряд мазать пальцы чернилами, непонятно чем он занят.

Меня на днях тоже затащили туда, заставили штамповать большой палец, а он сидел с лупой и что-то бормотал себе под нос.

Может, он с ума сошел от того детективного романа?

Какого романа?

Да того самого, про Фрэнсис Уолстоун. Говорят, он эту книгу из рук не выпускает, заучивает наизусть.

Разве может художественная книга так увлечь?

Почем знать. Только поговаривают, что на недавних допросах он начал требовать, чтобы подозреваемые оставляли отпечатки пальцев. Что-то там про отпечаток вашей особы.

Бред какой-то.

Кто его знает. Во всяком случае, повышения он пока не получил, так что явно мается от безделья.

Но Редингтону были до лампочки эти толки.

Он прекрасно знал, чем занимается.

Он проверял догадку.

Догадку, почерпнутую из книги, которая лишила его сна.

Если эти узоры и впрямь уникальны, если след, оставляемый каждым человеком, неповторим —

То раскрытие преступлений в будущем изменится коренным образом.

Совершенно изменится.

<http://bllate.org/book/22034/2290823>